

19 ИЮНЯ 1992 г. ДЕНЬ БЕНДЕРСКОЙ ТРАГЕДИИ

«Мы не сомневались, что победим!»

«Итак, над Рейном плыл тягучий август 1989 года. Этот же август плыл над Днестром. Он сгущал свою медовую тяжесть над Рыночной площадью Базеля. И над двумя другими площадями, догнавшими меня тут, в Швейцарии, примчавшимися следом за мной из-за тридцати земель и буквально выкипающими из экрана телевизора: медленно сходящая с ума кишиневская площадь Победы и битком забитая, настороженная площадь Конституции в Тирасполе. Меня поразили не столько сами площади, сколько лица – чужие лица площадей. Я так хорошо раньше знал эти лица. Но я никогда не видел их такими. Такими чужими. Сливаясь в единую глотку, кишиневская площадь орала: «Жос!» А тираспольская как бы ее переводила на русский: «Долой!» Напряженно продираясь сквозь немецкую речь диктора, я понял, что непоправимое уже произошло, что огромная глыба уже отделилась от скалы и катится в пропасть».

Так описано начало «рокового четырёхлетия» на Днестре в книге Ефима Бершина «Дикое поле. Приднестровский разлом». Именно с законопроекта «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», опубликованного в августе 1989 года, начался непоправимый разлом между правым и левым берегом, логическим следствием которого стала война 1992 года. Бендеры, прочно связанный с левобережьем город, решивший войти в состав ПМР, но расположенный на правом берегу, принял на себя основной удар, буквально «на собственной шкуре» узнав всю дикую злобу, ненависть и трусливую подлость прорумынских национал-фашистов. Тех, кто в то лето пришел сюда якобы для наведения «конституционного порядка», а на практике уничтожали город и его жителей.

Нападению было поистине вероломным, поскольку осуществилось на фоне вроде бы наметившейся разрядки. 16 июня 1992 года Парламент РМ утвердил основные принципы мирного урегулирования вооруженного конфликта, установление мира и согласия в восточных районах республики. В принятом документе приднестровцев устраивало далеко не всё, но он всё-таки мог стать дорожной картой для выхода из кризисной ситуации. Разъединение противоборствующих сторон, восстановление единого народнохозяйственного комплекса, проведение новых свободных выборов с участием иностранных наблюдателей и даже формирование правительства национального согласия – некоторым эта утопия ещё казалась осуществимой. Но в реальности

Стоит он на кручах седого Днестра Форпостом надежды и веры – Так было, так есть и так будет всегда – Любимый наш город – Бендеры!

Г. Карданов

«кишинёвские ястребы» во главе с тогдашним министром обороны РМ Ионом Косташем готовили противоположный сценарий и даже не скрывали своих агрессивных, воинственных планов. Провокация, ставшая началом Бендерской трагедии, произошла 19 июня, в 17:25. На подъехавших к городской типографии приднестровских гвардейцев напали полицейские Молдовы (сказалось существовавшее в городе «двоевластие»). Полиция явно стремилась обострить ситуацию, на предложения начать переговоры отвечала огнём. Несколько гвардейцев оставались в плену у полиции, завязались первые уличные бои. К семи вечера боевая техника и живая сила армии Молдовы уже шла на Бендеры по Кишинёвской и Каушанской трассам, чуть позже «освободители» выступили из Варницы, Хаджимуса и других окранных районов. Но никто не встречал их цветами, поскольку они несли смерть всему живому. Захват города сопровождался беспорядочной стрельбой по людям и зданиям, приводя к многочисленным жертвам среди мирного населения. Под шквальным огнём непрощенных гостей гибли люди без различия политических убеждений: как сторонники Приднестровья, так и апологеты «единой и неделимой» Молдовы. Видимо, многие из прокишинёвски настроенных бендерчан пережили тогда крах своих иллюзий и жестокую переоценку ценностей. Сохранилась память о пожилом человеке, бывшем националисте, кричавшем и рвавшем на себе волосы посреди улицы, среди убитых и раненых: «Люди, простите меня! Я не верю своим глазам! Это не мы! Молдаване не могут так убивать!»

Бендерчанин Геннадий Карданов был в те годы уже зрелым человеком, к тому же советским офицером, майором разведки, а в 1991 году ещё и окончил исторический факультет Кишинёвского университета. Знал не понаслыш-

ке, какие там нагнетались страсти, лично беседовал с некоторыми «относительно вменяемыми» народофронтами. «Один из них, которого считали «умеренным», серьёзно доказывал мне, что в Молдове есть «наши запрутские братья» (читай – румыны), есть местные патриоты, а есть также манкурты, у которых коммунисты отняли национальную гордость, и, наконец, есть настоящие враги, от которых происходят все беды – пророссийские оккупанты. Когда я возразил ему, что по своему холёному внешнему виду и самоуверенным речам он совсем не похож на «оккупированного», этот господин просто не пожелал меня дальше слушать», – вспоминает Геннадий Николаевич. А ведь общественное мнение в Кишинёве тогда формировали ещё более неадекватные «наци». С горящими глазами и пеной у рта они орала в микрофоны чудовищные лозунги, достойные времён третьего рейха: «Чемодан – вокзал – Россия!», «Русских за Днестр, евреев – в Днестр!». Даже троллейбусы стали «украшать» плакатами с надписями такого рода: «Мы даем вам пять лет не для того, чтобы вы выучили язык, а для того, чтобы вы убралась отсюда».

Карданов говорит, что лично у него ни малейших иллюзий насчёт мирного исхода конфликта не было. «В новостях по телевидению Молдовы с помпой показывали, как президент Снегур принимает присягу новых батальонов национальной армии. Один из осведомлённых кишинёвских друзей позвонил мне и сказал: когда таких батальонов наберётся шесть-восемь, они придут к вам, казнить Тигину (Бендеры). Да и какой мог быть мир, если, начиная с мая, в городе каждую неделю хоронили убитых», – вспоминает он. Будучи учителем в железнодорожной школе, Геннадий Карданов даже предупредил выпускников, что «в свой праздник им наверняка

придётся укрываться в подвалах от пуль и снарядов». Конечно, ему не хотели верить, его обвиняли в паникёрстве, но, к величайшему сожалению, его предсказание сбылось. Более того: расстрелянный выпускной бал стал символом Бендерской трагедии.

Из-за внезапности нападения и неготовности на первых порах города к защите, агрессоры в первые часы сумели оккупировать почти всю центральную часть Бендер. «Но я чувствовал, что у них не было никакой уверенности победителей, не было ощущения своей правоты, они вели себя как шайка разбойников в чужом и враждебном городе. У них трусливо бегали глаза, они явно боялись возмездия, особенный ужас наводили на них казаки», – вспоминает Карданов. Именно поэтому, говорит он, «мы изначально не сомневались, что победим». «Нас тревожил только вопрос времени и цена победы: сколько ещё людей должно погибнуть в этой бессмысленной бойне?» – задается вопросом Геннадий Николаевич.

По его словам, переломный момент произошёл, когда тираспольские ополченцы отбили у противника мост через Днестр, разблокировали его и пришли на помощь бендерчанам. С того момента оккупанты стали быстро терять завоёванные позиции, улицу за улицей. При этом они спешили разграбить всё, что могли, демонтировали и вывозили ценное оборудование местных предприятий, а что не успевали – старались уничтожить. И хотя город они уже не контролировали, 29 июня, после относительного затишья, возобновился массированный артиллерийский обстрел Бендер.

Тираспольчане жили в напряжённой тревоге. Люди понимали, что если Молдова победит в Бендерах, следующей жертвой станет Тирасполь и реагировали на опасность по-разному. Многие стремились заранее уехать, отправить семьи в безопасное место. Но мы знаем, как много тираспольчан – ополченцев, казаков, гвардейцев – воевали в эти дни в Бендерах. Многие мирные жители оказывали им и беженцам всевозможную помощь, включая питание и жильё, уход за ранеными, которых привозили из Бендер в Тираспольскую городскую больницу. Ощущение прифронтового города, каким в то лето стал Тирасполь, живое страдание бендерчанам и гнев в отношении зверств Молдовы были тогда всеобщим настроением, что способствовало ещё большему сплочению против национал-шовинизма. Уже тогда в сознании людей

Бендерская трагедия расставила все точки над «и», развеяла последние иллюзии о возможности жить в едином государстве с Молдовой.

Бендеры же стали настоящим фронтовым городом, сильно обезлюдевшим, истерзанным, но не сдавшимся. Геннадий Карданов наблюдал немало примеров настоящего мужества даже у сугубо мирных людей. Например, простая еврейская семья – пожилые люди Борис Лейбович с женой Цилей. Сын приехал за ними в разгар войны, вывез их в Одессу. И вот, спустя неделю они неожиданно вернулись обратно. Карданов вспомнил сказанные ему Борисом слова: «Гена, мы же там никому не нужны, никто не понимает нашей беды, никому нет дела до нашей боли. Мы не можем отсиживаться у моря, когда в родном городе идёт война. И вот мы решили вернуться, чтобы здесь умереть или дожить до нашей победы». Борис Лейбович внёс свой вклад в общее дело: портной по профессии, он шил бронезилеты для защитников Приднестровья.

Хотя «блицкриг» кишинёвских «ястребов» явно провалился, война могла бы затянуться, если бы не твёрдая позиция России, претворённая в жизнь генералом Лебедем. С какой надеждой приднестровцы встретили его заявление, что безнаказанно убивать людей он больше никому не позволит. А за словами вскоре последовало краткое, но эффективное действие, решительно отрезвившее горячие головы агрессоров. 1 августа 1992 года начался новый этап истории на берегах Днестра – война осталась позади, российский солдат-миротворец стал гарантом мира, который продолжится уже 26 лет. А самому пострадавшему городу предстояло ещё долго залечивать свои раны. Сегодня зримых следов войны в Бендерах почти не осталось, но из коллективной народной памяти их уже ничем не стереть.

Геннадий Карданов помнит стихотворение, опубликованное осенью 1992 года в газете «Трудовой Тирасполь». Оно называлось «Покаяние», за обобщённой подписью «Кишинёвец». Но кто бы ни был его автором, в нём выражен важный итог Бендерской трагедии:

*...Вы себя отстояли, ребята.
А на правом своём берегу
Перед вами мы все виноваты,
И уже в неоплатном долгу.
Сам Геннадий Карданов тоже написал ответ на это четверостишие уже с позиции бендерчанина и приднестровца:
Мы отстояли
В смертельном бою
Право на жизнь
и свободу свою...
И не должно это
Новь повториться:
Сердце не может
с войною смириться.*

Александр ЛИНЬКОВ

фото Валерия КРУГЛИКОВА